

Путник, соблаговоли остановиться в сем недостойном доме. Баня готова, и тихая комната ожидает тебя. Входи же, входи!

*Надпись на двери гостиницы в Такамацу,
Япония*

ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕЧЕР

1

«Будь на то моя воля, — думал Питер Макдермотт, — я давным-давно выгнал бы этого начальника охраны». Но поступать по собственному усмотрению Питер не мог, и вот теперь этот ожиревший бывший полицейский снова куда-то исчез, и как раз в тот момент, когда был особенно нужен.

Макдермотт согнулся всем своим высоким сухопарым телом и начал нетерпеливо трясти телефонный аппарат.

— Тут целый ад на голову обрушился, — заметил он, обращаясь к молодой женщине, стоявшей у окна просторного кабинета, — а он как сквозь землю провалился.

Кристина Фрэнсис взглянула на свои часики. Было без нескольких минут одиннадцать.

— Я бы поискала его в баре на Барон-стрит.

Питер Макдермотт кивнул:

— Телефонистка уже обзванивает его излюбленные кабаки. — Он открыл ящик стола, вытащил сигареты и предложил их Кристине.

Она подошла к нему, взяла сигарету; Макдермотт дал ей прикурить и закурил сам. Он смотрел, как она затягивается.

Кристина Фрэнсис всего несколько минут назад вышла из своего маленького кабинета, расположен-

ного на одном этаже с прочими административными помещениями отеля «Сент-Грегори». Сегодня она работала вечером и уже собралась уходить домой, но свет в кабинете заместителя главного управляющего привлек ее внимание, и она заглянула сюда.

— Да, наш мистер Огилви — сам себе хозяин, — заметила Кристина. — Так всегда было. С ведома У. Т.

Макдермотт что-то быстро ответил по телефону и умолк.

— Вы правы, — наконец сказал он. — Я пытался реорганизовать нашу никудышную систему охраны, но получил головомойку.

— Я этого не знала, — тихо сказала Кристина.

Он иронически посмотрел на нее:

— А я думал, вы знаете все на свете.

Обычно так оно и было. Будучи личным секретарем Уоррена Трента, человека вспыльчивого и неуравновешенного, которому принадлежал этот самый крупный в Новом Орлеане отель, Кристина была в курсе всех закулисных дел и повседневной жизни огромного механизма. Она знала, например, что Питер, назначенный на должность заместителя главного управляющего всего лишь месяц или два назад, в сущности, тащил на себе все хозяйство большого и шумного отеля, хотя получал за это весьма скромное жалованье и не обладал большими полномочиями. Она знала также и причину этого, скрытую в папке с грифом «секретно», где содержались сведения личного порядка о жизни Питера Макдермотта.

— А из-за чего, собственно, такой переполох? — спросила Кристина.

Макдермотт усмехнулся, и его некрасивое, словно вырубленное из камня лицо исказилось.

— Поступила жалоба, что на одиннадцатом этаже происходит что-то вроде оргии; на девятом этаже

герцогиня Кройдонская заявила, будто ее супруга оскорбил официант, обслуживавший их в номере; в тысяча четыреста тридцать девятом кто-то будто бы страшно стонет; ночной администратор заболел, и я отпустил его домой, а два других заняты неотложными делами.

Он снова взялся за телефон. Кристина молча отошла к окну кабинета, находившегося в бельэтаже. Слегка откинув назад голову, чтобы дым от сигареты не ел глаза, она окинула взглядом город. Как раз напротив, за широким проспектом, на который выходил отель, компактным, кишашим людьми прямоугольником лежал так называемый Французский квартал. До полуночи оставался целый час, и квартал еще не начал жить своей обычной жизнью — огни у входа в ночные бары, бистро, дансинги и заведения со стриптизом, равно как и свет за плотно закрытыми шторами, будут гореть долго, до самого утра.

Где-то к северу, видимо, над озером Пончартрейн, в темноте ночи собиралась летняя гроза. Это чувствовалось по приглушенным раскатам грома и редким вспышкам молний. Если повезет и гроза повернет на юг, в направлении Мексиканского залива, то к утру в Новом Орлеане пойдет дождь.

А дождь был бы как никогда кстати, подумала Кристина. Уже три недели город изнемогает от жары и духоты, и нервы у всех на пределе. Да и в отеле тоже станет хоть немного полегче. Сегодня днем главный инженер снова жаловался: «Если не удастся в ближайшие дни отключить хоть часть кондиционеров, я больше ни за что не отвечаю».

Питер Макдермотт положил трубку на рычаг.

— А вы знаете, кто там живет, в этой комнате, откуда слышны стоны? — спросила Кристина.

Он покачал головой и снова потянулся к телефону:

— Сейчас выясним. Наверное, кому-то приснились кошмары, но лучше все-таки справиться.

Только теперь, опустившись в глубокое кожаное кресло напротив большого стола из красного дерева, Кристина вдруг почувствовала, как сильно устала за день. При обычных обстоятельствах она уже давным-давно была бы дома, в своей квартире в Джен-тильи. Но день выдался особенно напряженный: надо было разместить делегатов целых двух конгрессов, да и других клиентов прибыло такое множество, что без конца возникали проблемы, требовавшие ее вмешательства.

— Хорошо, спасибо. — Макдермотт записал фамилию на листке бумаги и положил телефонную трубку. — Это Альберт Уэллс из Монреаля.

— А я знаю его, — сказала Кристина. — Очень милый старичок, каждый год у нас останавливается. Если хотите, я выясню, в чем там дело.

Питер медлил, глядя на тоненькую, стройную молодую женщину.

Пронзительно зазвонил телефон, и он снял трубку.

— Извините, сэр, — сказала телефонистка, — но нам не удалось разыскать мистера Огилви.

— Ладно. Соедините меня со старшим посыльным. — Если уж нельзя выгнать этого Огилви, подумал Макдермотт, то надо по крайней мере устроить ему завтра утром разнос. А пока не послать ли кого-нибудь выяснить, что там происходит на одиннадцатом этаже, а самому заняться инцидентом с герцогом и герцогиней?

«Старший посыльный слушает», — прозвучало в трубке, и Питер узнал ровный, чуть гнусавый голос

Херби Чэндлера. Чэндлер, как и Огилви, принадлежал к числу давних служащих «Сент-Грегори» и, по слухам, больше всех занимался мелким вымогательством в отеле.

Макдермотт объяснил ему суть дела и попросил разобраться с жалобой по поводу оргии. Как он и предполагал, в ответ прозвучал отказ: «Это не входит в мои обязанности, мистер Мак, к тому же у нас тут полно дел». Сказано это было в типичной для Чэндлера манере — заискивающе и в то же время дерзко.

— Оставьте свои доводы при себе, — непререкаемым тоном сказал Макдермотт. — Я требую немедленно проверить, насколько обоснованна эта жалоба. — Затем, немного подумав, добавил: — Еще одно: пошлите посыльного с дубликатом ключей к мисс Фрэнсис на бельэтаж. — И, не дожидаясь возражений, положил трубку.

— Пошли, — сказал он, слегка коснувшись плеча Кристины. — Возьмите с собой посыльного и скажите вашему приятелю, чтобы он не выпускал на волю свои кошмары.

2

Херби Чэндлер в задумчивости стоял у стола старшего посыльного в вестибюле «Сент-Грегори»; его остренькое личико, похожее на мордочку хорька, выдавало смятение.

Стол старшего посыльного помешался посреди вестибюля, возле одной из ребристых бетонных колонн, подпиравших высокий потолок, обильно

украшенный лепниной, — он стоял в самом центре, откуда хорошо было видно всех, кто входил и выходил из отеля. Сейчас здесь было весьма оживленно. Весь вечер по вестибюлю туда и обратно шныряли делегаты конгресса, становившиеся с приближением полуночи все развязнее от принятого спиртного.

Чэндлер по привычке наблюдал за толпой; в эту минуту дверь на Каронделет-стрит распахнулась и в вестибюль ввалилась шумная группа кутил — трое мужчин и две женщины; в руках у них были стаканы с виски наподобие тех, которые подавали в баре Пэта О'Брайена, где за это же виски с туристов брали на доллар дороже, чем во Французском квартале. Один из мужчин едва держался на ногах, остальные поддерживали его. У всех троих были значки участников конгресса. На них значилось: «Голден-Краун Кола» и ниже — фамилия. Публика в вестибюле, благодушно улыбаясь, уступала им дорогу, и квинтет, покачиваясь, проследовал в бар цокольного этажа.

Время от времени появлялись новые клиенты — с вечерних поездов и самолетов; нескольких из них размещали сейчас в номерах находившиеся под командованием Чэндлера мальчишки-посыльные; правда, «мальчишки» — это только так говорилось, потому что среди них не было ни одного моложе сорока лет, а два-три седеющих ветерана служили в отеле уже более четверти века. Херби Чэндлер, имевший право сам нанимать и увольнять свой штат, предпочитал пожилых людей. Если человеку трудно ворочать чемоданы и он иной раз покряхтит, ему наверняка дадут на чай больше, чем юнцу, расправляющемуся с тяжелыми кофрами так, словно это детские игрушки. Один из таких стариков, на самом-то

деле сильный и крепкий как буйвол, имел обыкновение вдруг ставить чемоданы на пол — прижмет руку к сердцу, покачает головой, потом снова поднимет их и тащит дальше. Совестьливые постояльцы, уверенные в том, что старика вот-вот хватит инфаркт, редко давали за такой спектакль меньше доллара. Они, конечно, не знали, что десять процентов перейдет потом в карман Херби Чэндлера, плюс два доллара — ежедневная мзда, которую он взимал с каждого посыльного, если тот хотел удержаться на месте.

Эта своеобразная пошлина вызывала немало сегований у подчиненных старшего посыльного, и они за его спиной возмущались, хотя проворный посыльный все равно мог за неделю положить себе в карман полторы сотни долларов, особенно когда отель был полон. Но Херби Чэндлер в такие дни, как сегодня, оставался на своем посту допоздна. Никому не доверяя, он желал сам знать, какую получит мзду, — он обладал удивительным умением оценить клиента и прикинуть, сколько тот наверху даст на чай. Бывали случаи, когда посыльные пытались утаить от Херби подлинный размер выручки. За этим неизбежно следовали безжалостные репрессии: непокорного под каким-либо благовидным предлогом на месяц отстраняли от работы, и он быстро приходил в чувство.

Была и еще одна причина, побудившая Херби Чэндлера задержаться сегодня вечером в отеле и объяснявшая его беспокойство, которое после телефонного разговора с Питером Макдермоттом возрастало с каждой минутой. Макдермотт велел выяснить, что происходит на одиннадцатом этаже. Но Херби Чэндлеру не было надобности выяснять, так

как в общем-то он знал, что там происходит. А знал он потому, что приложил к этому руку.

Часа три тому назад двое юнцов весьма недвусмысленно изложили ему свою просьбу. Он слушал их с почтительным видом — ведь отцы их, известные в городе бизнесмены, и сами часто бывали в отеле.

— Послушай, Херби, — сказал один из ребят, — сегодня здесь наши студенты устраивают танцы. Надоело до чертиков! А нам бы хотелось поразвлечься иначе.

Заранее зная ответ, Херби спросил:

— Как — иначе?

— Мы сняли номер. — Мальчишка слегка покраснел. — Нам бы пару девчонок.

Штука рискованная, подумал Херби. У обоих еще молоко на губах не обсохло, да к тому же они не совсем трезвые.

— Извините, джентльмены... — начал было он, но второй юнец грубо прервал его:

— Нечего нам вкручивать мозги, мы-то знаем, у тебя всегда есть девочки, которые прибегут по первому же звонку.

Херби обнажил в подобии улыбки свои острые, как у хорька, зубы.

— Представить себе не могу, откуда вы это взяли, мистер Диксон.

Юнец, начавший разговор, стал настаивать:

— Мы ведь заплатим, Херби, ты же понимаешь.

Старший посыльный заколебался, раздираемый сомнениями и алчностью. В последнее время его побочные доходы сильно поубавились. А может, риск не так уж и велик.

Тот, которого звали Диксон, вдруг сказал:

— Да чего тут долго болтать. Сколько?

Херби взглянул на ребят, вспомнил об их папашах и тут же удвоил обычную в таких случаях цену:

— Сто долларов.

На какой-то момент воцарилось молчание. Потом Диксон решительно заявил:

— Договорились. — И добавил, обратившись к своему приятелю: — Слушай, мы ведь уже заплатили за выпивку. А если тебе не хватит, чтоб внести свою долю, я тебе одолжу.

— Но ведь...

— Только деньги вперед, джентльмены. — Херби облизнул тонкие губы кончиком языка. — И еще одно: прошу вас без шума, а то посыплются жалобы, и нам всем несдобровать.

Никакого шума не будет, заверили его юнцы, но вот теперь уже ясно, что получилось все наоборот, его опасения подтвердились, и Херби чувствовал себя весьма неуютно.

Примерно час тому назад приехали девицы. Они, как обычно, прошли через главный вход, и только несколько человек из обслуживающего персонала знали, что они здесь не живут. Если бы все прошло гладко, обе девицы уже исчезли бы так же незаметно, как и появились.

Жалоба о том, что на одиннадцатом этаже устроена оргия, да еще переданная самим Макдермоттом, означала, что там произошло что-то серьезное. Но что? Херби стало совсем не по себе, когда он вспомнил фразу об уже оплаченной выпивке.

В вестибюле было жарко и влажно, хотя кондиционеры работали вовсю. Херби вытащил шелковый платок и вытер вспотевший лоб. Проклиная себя за безрассудство, он никак не мог решить, ехать ему наверх или ни во что не вмешиваться.

Питер Макдермотт поднялся на лифте до девятого этажа, а Кристина и сопровождавший ее посыльный должны были ехать дальше — на четырнадцатый. Дверцы лифта уже открылись, но Питер замешкался:

— Если там что-нибудь серьезное, пошлите за мной.

— В крайнем случае — закричу.

Прежде чем дверцы лифта сомкнулись, отделяя их друг от друга, взгляды их встретились. Еще с минуту Питер постоял в задумчивости, всматриваясь в то место, где только что была кабина лифта, потом пружинистым широким шагом направился по устланному ковром коридору к так называемым президентским апартаментам.

В этом самом большом, со вкусом обставленном номере — служащие обычно называли его «номером для знати» — за время существования «Сент-Грегори» побывало немало именитых гостей, вплоть до президентов и членов королевских семей. Большинству из них Новый Орлеан нравился потому, что после первой торжественной встречи городские власти считали необходимым предоставить гостей самим себе и даже закрывали глаза на некоторые их вольности. Несколько менее влиятельными, чем главы государств, но в своем роде не менее выдающимися были и теперешние обитатели этих апартаментов — герцог и герцогиня Кройдонские со своей свитой, состоявшей из секретаря, горничной герцогини и пяти бедлингтон-терьеров.

У дверей, с обеих сторон обитых кожей с вытисненными на ней золотыми лилиями, Питер Макдер-

морт остановился и нажал на перламутровую кнопку; он услышал приглушенный звонок внутри покоев и вслед за тем уже менее приглушенный хор залившихся лаем собак. Дожидаясь, пока откроются двери, он припоминал то, что слышал и знал о герцогской чете.

Герцог Кройдонский, потомок старинного рода, сумел приспособиться к духу времени. За последние десять лет с помощью герцогини, двоюродной сестры королевы, игравшей к тому же немалую роль в обществе, он получил звание посла и весьма успешно выполнял разные сложные поручения правительства Великобритании. Тем не менее в последнее время пошли слухи, будто карьера герцога достигла критической точки, по-видимому, из-за того, что уж слишком он приспособился к духу времени, особенно по части крепких напитков и интереса к чужим женам. Однако были и другие сведения, по которым выходило, что тучи над головой герцога не столь угрожающи и носят лишь временный характер и что герцогиня крепко держит вожжи в руках. Сторонники этой второй версии предсказывали, что герцог Кройдонский скоро может стать английским послом в Вашингтоне.

Чей-то тихий голос раздался позади Питера:

— Извините, мистер Макдермотт, можно мне с вами поговорить?

Быстро обернувшись, Питер узнал Сола Натчеза, пожилого официанта, который обслуживал гостей в номерах. Он тихо подошел с другого конца коридора, худой, мертвенно-бледный, в белой куртке, отделанной красным с золотом — фирменными цветами отеля. Волосы его были гладко прилизаны и начесаны вперед, образуя старомодный хохолок. Выцвет-

шие глаза слезились, вены на худых руках, которые он нервно потирал, выступали, как канаты.

— Что случилось, Сол?

Голос официанта дрожал от волнения.

— Видимо, вы поднялись из-за жалобы... на меня.

Макдермотт посмотрел на дверь. Ее до сих пор не открыли, и за ней по-прежнему слышен был только лай.

— Расскажите-ка, что произошло, — сказал он.

Официант дважды глотнул воздух и, не отвечая на вопрос, вдруг быстро, умоляюще зашептал:

— Если я лишусь работы, мистер Макдермотт, мне тяжело будет в моем возрасте найти другую. — Он посмотрел на президентские апартаменты с выражением тревоги и одновременно возмущения. — Нельзя сказать, чтобы так уж трудно было их обслуживать, но вот сегодня вечером... Они всегда очень требовательны, но я никогда не жаловался, хоть и не получал чаевых.

Питер невольно улыбнулся. Английские аристократы редко дают на чай, видимо, полагая, что обслуживать их — уже само по себе награда. Он перебил официанта:

— Вы мне так и не сказали...

— Сейчас, сейчас, мистер Макдермотт. — Питеру тяжело было смотреть на то, как волновался этот человек, годившийся ему в дедушки. — Это случилось примерно полчаса назад. Они заказали ужин — герцог и герцогиня: устрицы, шампанское, креветки по-креольски.

— Меня не интересует меню. Что произошло?

— Да все эти креветки, сэр. Когда я обносил их... Понимаете, за все годы я просто не помню, чтобы со мной такое случилось.

— Да говорите же наконец! — Питер краешком глаза наблюдал за дверью, чтобы прервать разговор, как только она откроется.

— Хорошо, мистер Макдермотт. Так вот, когда я обносил их этими криветками по-креольски, герцогиня вдруг встала из-за стола и, возвращаясь назад, толкнула меня под руку. Случись это с кем другим, я бы решил, что она сделала это нарочно.

— Какая чепуха!

— Я знаю, сэр, знаю. Ну и в результате, понимаете, на брюках у герцога оказалось пятнышко — клянусь, не больше горошины.

— И это все? — недоверчиво спросил Питер.

— Мистер Макдермотт, клянусь вам, это все. Но герцогиня подняла такой шум... можно подумать, что я совершил убийство. Я извинился перед ними. Схватил чистую салфетку, принес воду и хотел отчистить пятно, но они и слышать ни о чем не желали. Подавай им самого мистера Трента...

— Мистера Трента нет в отеле.

Прежде чем делать выводы, надо выслушать и другую сторону, решил Питер. А пока он распорядился:

— Если на сегодняшний вечер у вас все дела закончены, идите-ка домой. Придете завтра, вам скажут, что к чему.

Официант ушел, и Питер Макдермотт снова нажал на кнопку звонка. Лай собак возобновился, и дверь тотчас открылась — за ней стоял моложавый круглолицый человек в пенсне. Питер признал в нем секретаря герцога Кройдонского.

В ту же минуту из внутренних покоев раздался женский голос: «Кто там раззвонился? Скажите, чтобы прекратили трезвон». При всей категоричности